

Иван ГОБЗЕВ

Иван Гобзев родился в 1978 году. Окончил философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. Кандидат философских наук. Печатался в журналах «Нева», «Новая Юность», «Зинзивер», «Дружба народов», «Урал» и др. Предыдущая публикация в «Волге» – рассказ «Окно» (2025, № 11-12).

ЗЕМЛЯ

Рассказ

Корабль называется «Земля». Это логично, учитывая цель. Но дело не только в цели – за временным неимением другой Земли Землём нам стал корабль. Это наш дом, не такой большой и вместительный, конечно, как целая планета, без такого разнообразия флоры и фауны, которые, по преданию, когда-то были на Земле, но всё же дом – что-то вроде виллы с фермой. Разумеется, никто из нас в жизни не видел никаких вилл и ферм – об этом мы знали только из легенд и реконструкций на их основе, выполненных искусственным интеллектом. ИИ генерирует виртуальную реальность, в которую ты можешь войти и оказаться дома – там, на Земле, которую наши предки покинули даже неизвестно как давно, но точно так давно, что возникновение и пребывание на ней человека превратилось в миф. Поэтому никто и не знал, было ли на Земле в самом деле так, как показывал ИИ, но всё равно мы верили и подставляли свои лица виртуальному ветру и дождю, вдыхали несуществующие запахи, трогали шершавую кору мокрых деревьев, которые пачкали наши нереальные пальцы, и плакали – плакали самыми настоящими слезами.

Если наши предки когда-то покинули Землю, имея на это, должно быть, веские причины, то мы, жители этого корабля, покинули ставший нам домом новый мир, Пангею, тоже имея свои причины. Точнее, одну причину – снова обрести Землю.

Те, кто когда-то отправился на поиски, давно умерли. Все понимали с самого начала, что это дело сотен, а может быть и тысяч лет, потому что никто толком не знал, где в галактике находится Земля. В ходе катастроф, эпидемий, войн, которые обрушились на нас в суровом мире Пангеи, утрачено было почти всё, что мы привезли с собой с Земли, включая знания, и выжившим пришлось многое начинать заново. Так что я родился на этом корабле и даже не уверен, что на моем веку нам посчастливится найти Землю. Но, как и все, я надеюсь. Тем более, повод есть.

Ещё вчера сделали анонс – доклад Главного специалиста по вычислениям вероятностей. Мы его называем просто Предсказатель. Он занимается узкой областью научных исследований, связанных с предсказанием особо важных событий. Я тоже работаю в этой области и считаю перспективным исследователем, но главным специалистом мне никогда не стать: я видел несколько раз расчёты, которыми он занимается. Говорят, в древности была такая штука – геоцентрическая модель Птолемея – которую ни один человек в мире так и не смог в полной мере освоить. Вот здесь то же самое, только ещё сложнее, потому что, понятное дело, вычисления с тех давних пор ушли далеко вперёд. Когда Предсказатель за обедом вдруг заводит разговор о своей работе, никто не может поддержать беседу, но все кивают, делая вид, что понимают. Однажды я, желая подтвердить свой статус перспективного исследователя, не промолчал как все, а высказал какое-то соображение в ответ на его реплику, как мне казалось, довольно-таки умное. Он посмотрел на меня, а потом спустя минуту тихо произнёс:

– Тра-та-та, тра-та-та.

С тех пор я старался не попадаться ему на глаза лишний раз и не садиться с ним за один стол.

Так вот, сегодня после обеда все ждали его доклад. Это было большое и редкое событие: значит, случилось что-то чрезвычайно важное. Разумеется, мы строили догадки. Было ясно, что это связано с предсказаниями. Но предсказаниями чего? Быть может, как полагали некоторые, он рассчитал вероятность энергетического кризиса и нам нужно экономить ресурсы? Такое уже бывало. Или сокращение нашей популяции? Это была актуальная тема. Возможно, какое-то космическое явление, с которым нам предстоит столкнуться? Однажды он предсказал на нашем пути взрыв сверхновой, но, к счастью, этого не случилось – потом выяснилось, что он ошибся в вычислениях и старая звезда взорвётся только через пару тысяч лет, когда мы уже будем довольно далеко от этой области. По этому поводу устроили праздник, который длился целую неделю.

В общем, догадок хватало. Микса, сотрудница отдела безопасности, пошутила:

– Речь пойдёт о Земле!

Все засмеялись, потому что это был, конечно, каламбур – ведь и корабль, и планета назывались одинаково: «Земля».

Когда зал собраний – новый на тринадцатом ярусе – был почти полон, появился сам Предсказатель. Это был очень маленький человек, вынужденный при разговоре сильно задира подбородок, но смотрел он при этом так, что собеседники чувствовали себя ещё меньше. Он ловко и быстро для своих лет взбежал по ступенькам и сразу, без обычных рассусоливаний, объявил:

– Коллеги! У меня прекрасная новость. В ходе последних вычислений стало ясно, что вероятность того, что мы движемся в правильном направлении – в направлении Земли – равна девяносто двум процентам!

Зал взорвался криками и аплодисментами. Мы все повскакали, мы обнимались, целовались, прыгали. А Предсказатель смотрел на нас с усталой, но одобряющей улыбкой. Когда крики стихли, техник с нижних ярусов, мой приятель Четырнадцатый, поднял руку и спросил:

– А какова вероятность того, что мы долетим до Земли в обозримом будущем?

Это был в общем-то самый важный вопрос. И для многих неприятный – не все хотели думать про это. В каких-то вопросах лучше оставаться в неведении. Но таков был этот Четырнадцатый, ему всегда и во всём нужна была ясность.

Предсказатель улыбнулся шире, как будто только и ждал этого вопроса, и тихо ответил:

– Девяносто девять процентов. Объявляю готовность к криоскачку!

Такой радости я ещё никогда не испытывал и не видел, чтобы кто другой испытывал. Счастье моё было так велико, что я подумал: «Остановись мгновение!» и обнял соседку – это была Микса – и поцеловал её.

Про первую вероятность, которая была поменьше и от которой в общем-то зависела и эта, никто уже не думал. Потому что вероятность девяносто девять процентов – это очень много. Это почти наверняка. Любой учёный, получив такую вероятность, потрёт руки и скажет: «Это случится, я уверен!» Если говорить более строго, то это означает вот что: если бы мы совершали это путешествие сто раз, то в девяносто девяти случаях долетели бы до Земли, а в одном нет.

Я люблю сидеть в рабочем помещении моего приятеля Четырнадцатого – на рабочем ярусе нет этих окон с фальшивыми пейзажами воображаемой Земли. На детей они ещё производят впечатление, но на взрослых людей, которые понимают, что такое качественное реалистичное изображение – нет. У Четырнадцатого в иллюминаторах просто чёрный космос с неподвижными звёздами. Впрочем, иногда после криоскачка, о котором предупредил на собрании Предсказатель, картина меняется – мы оказываемся в другом месте галактики, где другие туманности и звёзды. Новый вид какое-то время завораживает, но потом начинается

казаться таким же, как старый. Лично мне всё равно – я просто люблю смотреть в это открытое пространство, время от времени подмигивающее далёкими огоньками.

Сегодня я пришёл к Четырнадцатому во время ужина – он обычно обедает у себя. Мне хотелось обсудить с ним последние новости.

– Ну что скажешь? – с порога спросил я. – Ты рад?

– Конечно, рад, – спокойно ответил он, жуя, – может, на нашем веку и долетим!

– Да что-то не особенно заметно, что ты рад.

– А чему радоваться! Ты сам слышал – нужен криоскачок. А я-то хорошо знаю, как это работает. Вероятность нашего попадания туда, куда навигатор проложит курс...

– Знаю, знаю! Ты уж поверь, я всё знаю про вероятности, это моя специальность, не начинай опять...

– Ну и в капсуле... Сколько времени мы там проводим?

– Нисколько.

– Это в гиперпространстве нисколько. А по-другому, целую вечность. Потому что нас-то и нет, понимаешь? Мы же разлетаемся на мириады частиц.

– Ой, хватит, – поморщился я, – хватит этой философии... Это уж всё твои толкования. Физика ничего такого не говорит...

– Ну да, – усмехнулся он, – она вообще ничего не говорит. Она только делает, а что и как – попробуй понять.

Мы замолчали. Он ел, я смотрел на неведомую мигающую звезду. «А вдруг, – подумал я, – это и есть Солнце, вокруг которого крутится наша Земля, а мы ошиблись и пролетаем мимо?»

– Как думаешь, – прервал я молчание, – как там на Земле сейчас?

– Всё зависит от того, почему мы её покинули. Может, там процветает оставшаяся часть человечества, а мы колонисты, блудные дети, которые решили вернуться. А может, и нет никого, может, что всего вероятнее, мы её покинули, потому что там нельзя было дольше оставаться.

– Ты пессимист. С чего ты взял, что это всего вероятнее?

– Ну а чего улетать, если там было хорошо? Может, и нет уже никакой Земли! Может, её Солнце давно сожрало! Или она стала мёртвым астероидом, безжизненной глыбой, которая вращается в куче мусора из неработающих спутников и всего прочего – чем мы там друг друга уничтожали...

– А может, и не так! Даже скорее всего не так. Я думаю, мы оставили Землю, чтобы дать ей восстановиться. И теперь там зелёный рай. С густыми лесами, животными, синими океанами, голубым небом и облаками... Милыми аборигенками!

Он улыбнулся.

– Ты знаешь, что мне снится, Четырнадцатый?

– М?

Синее небо. Мне часто снится синее небо, такое густое, такое настоящее. Солнечный свет. И ветер – тёплый ветерок, который как будто гладит, ласкает моё лицо. Вот откуда это? Я никогда не видел настоящего неба.

– А с чего ты взял, что тебе снится настоящее небо? Всё это из виртуальной комнаты – там тебе кажется, что ты видишь небо, что дует ветерок, вот и снится потом.

– Нет, во сне это по-другому. Не могу объяснить, но это по-настоящему...

– Может, генетическая память, – подумав, сказал он, – возможно, ты вспоминаешь моменты, когда какой-нибудь твой далёкий предок, например, сине-зелёная водоросль, болталась в тёплой водичке под солнцем и ей было хорошо.

В криоскачке самом по себе нет ничего от «крио». Корабль входит в гиперпространство, чтобы выйти в другой точке пространства-времени, отстоящей от входа очень и очень далеко. То, что происходит с нами, не имеет никакого отношения к заморозке, просто прижилось такое название из околонаучной фантастики. На самом деле это переход в

особое квантовое состояние, причём не только людей, но и всей «Земли». Иначе путешествие в гиперпространстве было бы невозможным. Для нас это событие мгновенное – вот ты вошёл в капсулу, и вот ты вышел из неё, уже в другой части галактики или вообще в другой галактике (если что-то пошло не так).

Как обычно перед таким серьёзным путешествием, мы устроили прощальную вечеринку. Прощались мы не друг с другом, а со звёздами, с той частью мира, которая стала нам привычной. Многие из нас волновались, потому что путь в гиперпространстве – это маленькая смерть. Как сказал Четырнадцатый, в каком-то смысле, пока ты пребываешь в капсуле, тебя нет, и нет целую вечность. А потом ты возникаешь заново, собираешься из других элементарных частиц в другой части Вселенной. Ты ли это вообще?

Во время вечеринки, улучив момент, когда Микса осталась одна, я подошёл к ней.

– Привет! – сказал я, пытаюсь выглядеть уверенно. – Волнуешься?

– Если честно, нет, – с улыбкой ответила она.

– Почему? Это все же... Слушай, а пойдём ко мне?

– Зачем? – засмеялась она.

– Ну, пообщаемся перед прыжком... Когда ещё увидимся? Через целую вечность! А ты мне очень нравишься.

– Мы и так пообщаемся! Тем более, вечность пролетит как один миг.

– Я не в твоём вкусе?

– Дело не в этом, – уклончиво ответила она, – просто... Боюсь тебя разочаровать!

Пока я собирался с мыслями, чтобы понять, что она имела в виду, и ответить что-то остроумное, показывающее, что я не уязвлён, она быстро потянулась ко мне, поцеловала в щёку и направилась к Первому помощнику капитана, который в белом кителе стоял в компании Предсказателя и других важных людей нашего корабля. Когда она подошла к нему, он обнял её за талию.

– У тебя по лицу сразу видно, когда ты расстроен.

Это был Четырнадцатый. Он подкрался ко мне сзади и теперь с сочувственной улыбкой заглядывал в глаза.

– Что, предпочла Первого помощника капитана?

– Ну, – ответил я, хмурясь, – хорошо, что не Капитана!

Это была шутка. Потому что нашим капитаном был искусственный интеллект – суперкомпьютер, и он очевидно ни с кем не встречался.

Из капсулы я вышел таким свежим, каким никогда не вставал по утрам. Это известное свойство прыжка в гиперпространстве, так и раньше бывало, и всегда казалось мне удивительным. В который уже раз я задумался – точно ли это я был собран в новой части Вселенной из новых элементарных частиц? Ведь от старого меня ничего не осталось, только опять же частицы, рассеянные теперь далеко-далеко отсюда, и связь с ними прервана, и теперь они станут частью чего-то иного...

– Вечный философский вопрос: «что есть я?» – это был тоже вылезший уже Четырнадцатый. Не случайно мы дружили – он всегда был со мной на одной волне.

Мы пошли посмотреть на карту неба. Как и следовало ожидать, всё изменилось, новые созвездия, новые звёзды. Но это мог понять только человек знакомый с астрономией, для неспециалиста – то же небо, те же горящие точки.

– Теперь интересно будет узнать, что стало с вероятностями, – сказал Четырнадцатый, – готов поспорить, они поубавились.

– Ты пессимист, – ответил я.

Но он оказался прав. В тот же день, на очередном собрании в Новом зале, Предсказатель объявил об изменении вероятностей нахождения Земли. Не очень сильно, но заметно. Конечно, нас это расстроило. Однако что поделать, эти прыжки такая штука, никогда не знаешь наверняка, куда именно тебя занесёт.

– Прошу не расстраиваться! – так закончил выступление Предсказатель. – Это ещё не беда. В целом вероятности всё равно хорошие. Сейчас наша цель – скорректировать навигацию. Научному блоку есть задача – произвести более точные расчёты.

Последнее замечание касалось, в частности, меня. И я был готов и хотел поскорее приступить к делу – с того момента, как я очнулся в капсуле, в моей голове что-то кипело, вертелся клубок мыслей, как будто в продолжение каких-то размышлений, которые я не помнил, но которые готовы были вот-вот выплеснуться в нечто важное. Оставшись наедине с самим собой, я попытался сконцентрироваться на них. «Так, навигация, – повторял я про себя, – навигация!» Но мои мысли были не про навигацию. Они были про Землю и про шансы туда попасть. Это были волнительные мысли – такие бывают, когда ты оказываешься на пороге важного открытия, но и тревожные, как будто то, что готово было открыться, разрушит ранее созданное.

По дороге в Библиотеку я встретил Миксу.

– Привет, – сказал я, попытавшись обнять её за талию, – как, чувствуешь себя другой после путешествия?

Она ловко увернулась, так что я обнял пустое пространство.

– Не распускай руки, – улыбнулась она.

Определённо, она не изменилась.

Я дошёл до Библиотеки, сел в кресло и закрыл глаза. Библиотека на «Земле» виртуальная, обычных книг у нас нет. В Библиотеке нет ничего, что можно было бы видеть и осязать, кроме серверов и кресел. Но, по желанию, используя нейроинтерфейс, можно видеть и осязать всё что угодно. Хоть древние манускрипты в афинской Стое, укрывшись за колоннами от палящего солнца. Но вся эта материализация интересна для школьников, для зрелого же учёного нужно знание в чистом его виде, чем более абстрактное, тем лучше. И вот я, сев в кресло, погрузился в мир идей – прекрасных математических и геометрических структур, пока ещё не воплощённых ни в числах, ни в функциях, ни в фигурах, а данных мне так, как они есть сами по себе. Это высшее мастерство – уметь работать с абстракциями, не делая никаких записей, и не всем оно дано. В том числе и мне не совсем дано, хотя сейчас я заметил, что стало получаться получше. Помедитировав некоторое время, я всё же вынужден был взять виртуальный блокнот и приступил к вычислениям. В каком-то смысле вернулся с небес на... «Землю».

Задание Предсказателя я выполнил за считанные минуты и был потрясён, как это просто – в прежние времена я бы провозился над ним несколько дней! Мне это удалось благодаря новому методу, который сидел в моей голове с того самого момента, как мы вышли из криоскачка. Но вероятности, связанные с поиском Земли, ускользали от меня, как будто мне не хватало данных. Впрочем, меня никто и не просил заниматься этой проблемой, это был мой собственный порыв, явившийся из небытия – из того времени, периода в гиперпространстве, когда меня не было, когда в криокапсуле была просто-напросто пустота...

– Коктейль! – сказал я. – И терраса над морем.

В руке появился молочный коктейль, а сам я очутился в подвесном кресле на террасе дома с облупившейся краской и протёртыми полами, некогда покрытыми чёрным маслом. Передо мной простиралось волнующееся море, было пасмурно, но не холодно, свежий ветер шевелил листья блокнота.

Всё это – облупившаяся краска, бриз, блеклое небо – я не просил вслух и даже не помышлял в явном виде, ИИ считал это через нейроинтерфейс из глубин моего сознания. В который раз я удивился, как хорошо он знает, чего я хочу, гораздо лучше, чем я сам... «Познай себя!» – вспомнил я девиз древних греков, эту неразрешимую задачу, занимавшую философов тысячи лет. И подумал, что задача эта ведь уже решена – подключись к искусственному интеллекту, и он тебе расскажет, кто ты и чего ты хочешь.

Ну, не совсем кто ты, но вот чего хочешь – точно.

На прибрежной полосе слева появилась девушка в раздувающемся красном платье. Босые ноги омывали волны, она смотрела вдаль, за горизонт, волосы красиво сбивало ветром. Она двигалась в моём направлении. Вот она заметила меня, улыбнулась и помахала рукой. Это была Микса.

– Это уже перебор, – сказал я, – убрать.

Микса тотчас исчезла. Я отхлебнул большой глоток коктейля. Хороший вкус.

Так, вероятности!

Я взял блокнот и продолжил чертить в нем. Мир вокруг меня померк, чтобы не отвлекать от вычислений. Я сидел долго, но задача не давалась. Попутно я натыкался на другие проблемы и решал их. Так, в процессе работы над одним косвенно связанным с вероятностью нахождения Земли вопросом я вдруг пришёл к выводу, что большая часть обитателей «Земли» роботы. Разумеется, я ошибся, такого быть не могло, уж я-то мог отличить робота от настоящего человека. Да, у нас были человекоподобные роботы в техническом персонале, всякие уборщики, обслуга, рабочие, но по ним сразу видно было, кто они есть, и их было не так уж много. А по моим выкладкам выходило так, что чуть ли не каждый первый должен быть роботом – девяносто пять процентов! Я рассмеялся, решив рассказать про это Четырнадцатому. Не став тратить время на поиск ошибки, я просто отбросил эту задачу, поняв, что иду по ложному пути. Земля, вот что важно, Земля! И я снова погрузился в расчёты.

– Ты знаешь, что я обнаружил? – я зашёл к Четырнадцатому поболтать.

– Знаю! Ты отлично справился с навигационной задачей, опередив всех. Это позволило скорректировать путь – мы двигались неверно на примерно одну триллионную триллионной доли градуса. Но в космических масштабах это, конечно, играет роль!

Он явно подшучивал надо мной. Дело в том, что уточнение, которое я нашёл, находилось в пределах погрешности, и хотя задача действительно была нетривиальна и с ней никто больше не справился, мой результат не имел значения. Ничего корректировать не следовало. Но я собирался поговорить не об этом.

– Я обнаружил кое-что поинтереснее! – многозначительно ухмыльнулся я. – Что почти все мы, обитатели «Земли», роботы.

– А вот это уже любопытно, – кивнул он, – и как ты к этому пришёл?

Я рассказал ему про новый метод анализа данных, который открылся мне после криоскачка.

– Но это, конечно, чепуха, – закончил я, – метод так применять нельзя, он чего угодно может показать, если его куда попало пихать.

Он промолчал, поедая лапшу.

Я стоял у иллюминатора. Новые звёзды после прыжка, но космос тот же самый. Принципиально ничего не изменилось.

– Тебе не приходило в голову, – спросил я, – что Вселенная это компьютер, а мы программы в нём?

– Оригинальная мысль, тоже мне, – покачал он головой, – такие догадки, если не ошибаюсь, высказывали ещё наши древние предки на планете, которую мы сейчас ищем. Но вообще ты должен знать – всё зависит от точки зрения. Если считать, что базовая реальность – это информация, вот, например, чистые абстрактные идеи, с которыми ты работаешь в Библиотеке, то так и получается. Ведь как нам дан внешний мир? Только в виде набора данных. Всё информация, и нет ничего кроме неё. Какая-то информация более вероятная, какая-то менее... Более вероятная – это то, что мы сейчас наблюдаем.

Он впал в особое свое состояние: состояние потока сознания, когда мог долго говорить как будто сам с собой. Но сказанное им вдруг сцепилось с чем-то, что уже было во мне и чему, казалось, только не хватало этих его слов, и в голове моей завертелось, закрутилось, набирая обороты, и я вдруг понял, что сейчас – вот сейчас – я решу эту задачу,

над которой бился безрезультатно столько времени! Я вскочил и побежал в Библиотеку, ничего не сказав удивлённому Четырнадцатому. На пути мне попала Микса – она шла навстречу, но я был так занят своими мыслями, что отметил только две вещи: её ярко-красный комбинезон и странную причёску – повернутую на один бок, как будто от сильного ветра.

В Библиотеке я пробыл недолго. Мне хватило нескольких минут, чтобы картина полностью сложилась. Дело не дошло даже до виртуального блокнота, не говоря уже о террасах с коктейлями. Я лишь посидел там в вихре абстрактных видений, толком не сознавая себя и не помня, и выбежал. Я бежал к Предсказателю, и состояние моё было близким к панике. Но как часто бывает даже в самые тревожные минуты, когда, казалось бы, всё внимание сосредоточено на одной проблеме, в голове возникали и мысли, не имеющие к ней никакого отношения.

«Странное дело, – думал я, мчась по коридору мимо портретов давно покойных капитанов корабля, – в Библиотеке я много работал с чистыми идеями как они есть, они никак не выглядели и не имели отношения ни к чему, что есть в мире вещей: они ни на что не похожи и их никак не изобразишь. И тем не менее у меня всякий раз остаётся такое чувство, будто у них есть цвет, протяжённость и форма. Словно я их вижу! Но я не могу ничего видеть, у них исключительно интеллектуальная природа...»

Добежав, я глубоко вдохнул, чтобы выровнять дыхание, и доложил о своем приходе секретарше. Мне велели ждать – господин Главный специалист занят.

Я сел в кресло. Дело было, как мне казалось, срочное и я не хотел ждать, но выхода не было. А может, и к лучшему, – подумал я, – успокоюсь.

– Сяй? – спросила секретарша.

Она имела в виду чай. Вот яркий пример роботов, как они есть на «Земле»! Только слепой, ну или человек из каменного века не определил бы с первого взгляда, что перед ним робот. Кожа из полимера, глаза как будто стеклянные, волосы как у куклы, движения, жесты, мимика – всё не настоящее. И это вот: «Сяй!» Чуть разболталось что-то, и уже говорить нормально не может. А чинить никто и не собирается, пока совсем не развалится.

Я вежливо отказался. Я всегда вежлив с роботами, может быть больше, чем с людьми. Почему? Наверное, потому что это подчеркивает, что ты способен оставаться человеком даже в самой нечеловеческой ситуации. Ну, например, это как... Ну как оказался бы я на планете Земля последним живым человеком. И вот у меня в руках пакетик с соком – сок я выпил, упаковку можно выбросить. Куда? Можно же теперь просто на дорогу, чего уж там, миру пришёл конец... Или всё-таки в мусорный контейнер? Так вот, если ты настоящий человек, то...

– Проходите, господин Главный специалист вас ждёт, – сказала она и зажужжала, как сломанный вентилятор.

Я вопросительно на неё посмотрел. Она, как мне показалось, смутилась. «Извините, – словно говорил её взгляд, – меня заклинило, я же старый никому не нужный робот!»

Предсказатель сидел за столом и водил пальцем по экрану размером со всю столешницу.

– Что у вас? – холодно спросил он, не глядя на меня.

– Господин Главный специалист! Я обнаружил... Я вычислил... В общем, я узнал...

– К делу, – ещё холоднее сказал он.

«Он меня не любит!» – почему-то подумал я и расстроился.

– В общем, если я нигде не ошибся, а я почти в этом уверен, то наши расчёты вероятности того, что мы летим к Земле, неверны!

На самом деле я очень надеялся, что ошибся. И я пришёл сюда в первую очередь именно для этого – чтобы мне доказали, что я не прав. Но в то же время я жаждал похвалы, ведь мой метод, возможно, был прорывом в науке!

– И насколько же? – он поднял на меня один глаз.

– Почти полностью.

Он поднял второй глаз.

– Вероятность того, что мы летим к Земле, равна всего пяти процентам...

Всякий разбирающийся в теории вероятностей сразу понял бы, что наши шансы в ближайшее время долететь просто ничтожны.

– Покажите-ка ваши расчёты, – неприязненно сказал он и протянул руку.

– Но они целиком у меня в голове!

Он с лёгким удивлением осмотрел меня сверху вниз и затем снизу вверх.

– В таком случае давайте сюда свою голову! Я подключусь напрямую к чипу.

Я сделал шаг к столу и наклонился над ним, чтобы господину Главному специалисту было удобно до меня дотянуться. «Как какой-то раб!» – подумал я.

– Хорошо, стойте так, – он взял со стола магнитный считыватель и приставил к моему затылку слева – там, где был нейрочип.

Он нажал что-то на столе, и на экране вспыхнули столбцы цифр и закорючек, смысла которых я не понимал – программирование такого высокого уровня лежало вне сферы моих обязанностей.

В этой позе я простоял довольно долго, было неудобно, больно в пояснице и унижительно. Заходил Помощник капитана в белом кителе, заглянув и увидев, что происходит, он закрыл дверь с той стороны. Раздался смех, кажется, я узнал голос Миксы.

В какой-то момент у меня возникло подозрение, что Предсказатель просто забыл про меня. Сначала он листал страницы на столе, крутил столбцы, что-то выделял цветом и менял, а потом стал смотреть в стену. В стене его кабинета не было иллюминатора со звёздами, да и не могло быть, потому что кабинет находился в глубине «Земли», но был любопытненький, как однажды выразился мой друг Четырнадцатый, портрет неизвестной женщины.

– Простите?! – сказал я. – Долго ещё?

– Да что вы стоите в этой дурацкой позе? Я посмотрел всё давно.

Я покраснел и выпрямился.

– Вы ошиблись, – продолжил он. – И ошибка произошла из-за недостатка данных. Вы не все переменные учли. Точнее, не учли самые главные, потому что попросту не знали их и не могли знать – они доступны только специалистам моего отдела.

– Извините, что отнял ваше драгоценное время, – покраснел я, – разрешите идти?

– Не разрешу, – неожиданно весело ответил он. – Вы однако молодец! Ваш метод просто великолепный. Очень приятно иметь дело с настоящим учёным!

Он встал и пожал мне руку.

Я не мог сдерживать улыбку – вера в себя вернулась ко мне.

– У меня для вас новая задача, – сказал он, садясь обратно в кресло, – предсказания вы оставьте, пускай этим займутся другие, кто владеет темой. Я видел некоторые фрагменты, с которыми вы работали в Библиотеке, и мне это показалось интересным. Я бы хотел, чтобы вы применили свой метод к решению задачи о том, какова вероятность выжить человечеству в бесконечном межзвёздном путешествии.

– В бесконечном?

– Да, именно таковы условия. Вы же знаете, что в науке мы часто используем идеализации? Идеальный газ, всё такое, помните в школе?

От Предсказателя я вышел воодушевлённый.

– Здесь сейчас был Помощник капитана с женщиной? – спросил я секретаршу.

– Он был один, – ответила она.

– Но я слышал женский смех.

– Это была я.

Несколько секунд я недоверчиво смотрел на неё. Но в её стеклянных глазах ничего не было видно, кроме, если хорошенько приглядеться, моего отражения.

Я полностью погрузился в работу. Поначалу у меня ничего не выходило, задача оказалась не совсем простой, к тому же я не понимал, как именно приложить к ней мой метод. Не хватало и данных – оказывается, необходимые демографические сведения просто нигде никогда не фиксировались. Так что я вынужден был, как говорят в науке, идти эвристическим путем, иначе говоря, действовать наугад.

Больше всего меня удивило, что многие старые результаты вычислений не сохранились. Например, нельзя было выяснить, какова и в какие периоды нашего путешествия была вероятность того, что мы летим в нужном направлении и в конце концов найдём Землю. Были результаты лишь недавних предсказаний, за несколько последних лет.

С этим вопросом я даже осмелился обратиться к Предсказателю, но виртуально, потому что беспокоить его по поводу, не имевшему отношения к моей работе, а даже наоборот, имевшему прямое отношение к тому, чем он запретил мне заниматься, было слишком дерзко. Он ответил мне довольно скоро, и из его краткого ответа я узнал, что результаты прошлых предсказаний не хранились по причине ограничений объёмов памяти «Земли», поэтому многие данные, которые не имеют серьёзного исторического, культурного, научного и так далее значения, уничтожались.

Вначале меня полностью успокоил этот ответ, но впоследствии мой друг Четырнадцатый снова заставил меня думать об этом.

– Это всё верно, – заметил он, счищая какую-то слизь с труб в канализационном отсеке, – но почему было не сохранять просто итоги вычислений? Скажем, записывать, что в таком-то году вероятность была такой-то... Это всего несколько битов информации.

Он был прав. Значит, подумал я, у нас на «Земле» в самом деле огромная нехватка памяти, если приходится жертвовать даже такими мелочами!

И тут я понял, что близок к решению задачи про выживание человечества в бесконечном путешествии. Ключом к её решению была идея ограниченности нашей «Земли»!

Поняв это, я тотчас помчался в Библиотеку, схватил виртуальный блокнот и принялся за вычисления. Мной овладело такое возбуждение, которое ни с чем не сравнишь, оно доступно только учёным, когда они оказываются на пороге великого открытия. Я проработал, ни на что не отвлекаясь, более двенадцати часов, и только тогда решил отдохнуть. Это было поразительно – я никогда раньше не мог столько и так эффективно работать! Мои способности после криоскачка как будто выросли в разы, притом что я уже не был юношей. Может, это следствие новой прошивки нейрочипа?

С этими мыслями я встал с кресла и направился в свою каюту. Я чувствовал, что задача Предсказателя почти решена, осталось привести доказательства в более строгий вид, связать одно с другим и сделать вывод. Мне в общем результат был очевиден: в бесконечном путешествии выжить человечеству невозможно. Потому что «Земля» – это замкнутая, ограниченная система! Энтропия в ней накапливается, накапливается, пока... Правда, мне казалось, что из этого следует что-то ещё. Но я пока не понимал, что.

Открыв дверь моей каюты, я увидел Миксу. Она сидела на кровати в красном платье и пальцем расправляла складки на одеяле. Подняв на меня глаза, она сказала:

– Ты не умеешь правильно заправлять постель!

На следующий день я получил сообщение от Предсказателя. Он благодарил меня за проделанную работу, хотя я ему и не успел ещё ни о чём доложить. Это подтверждало мои догадки, что он следит за мной в Библиотеке, точнее не за мной, а за теми идеями, с которыми я работаю. Ведь Библиотека это по сути виртуальное собрание всех возможных идей, которые были, есть и будут. Иногда мы открываем среди них ранее не обнаруженные или же – как это произошло со мной – создаём новые комбинации из уже открытых. Внимание Предсказателя, с одной стороны, льстило моему самолюбию, с другой заставляло нервничать – я очень боялся опозориться перед ним. Но пока что бы повод гордиться собой,

он был доволен! Я ответил ему, что очень благодарен, но задача не решена до конца, так как я собирался сделать более строгие и обоснованные выводы.

Ответ пришёл быстро: «Уважаемый младший научный сотрудник! Вы сделали достаточно, работа выполнена. Вам предоставлен отпуск на две недели на двоих и билеты в путешествие на Землю с выбором локаций. Можете взять с собой вашего друга Четырнадцатого, поскольку, насколько мне известно, других друзей у вас нет».

Я был старшим научным сотрудником и намёк понял.

Зайдя в личный кабинет, я обнаружил билеты, о которых он говорил. Подарок редкий и ценный! «Путешествие за Землю» – это виртуальный тур с высоким разрешением, детализацией и интерактивностью. В отличие от обычных, кратковременных посещений симуляций Земли, которые я мог себе позволить хоть каждый день и где ничего делать нельзя, кроме как смотреть, слушать, вдыхать и осязать, тут был полный эффект погружения. Вплоть до того, что на время «путешествия» заменялась память о прошлом и путешественники были уверены, что всё происходит по-настоящему. Но имелись и ограничения: это так нагружало наши сервера, что нельзя было путешествовать вообще где угодно – требовалось выбрать не более пяти локаций. Это был непростой выбор! Уж очень много где хотелось побывать...

– Микса! Микса!!! – я потряс её за плечо.

– Милый, что?!

– Ты отправишься со мной в путешествие на Землю? На две недели?

Она резко обернулась, лицо её сияло:

– Ты серьёзно?

– Да, вот, смотри!

– Где раздобыл?!

– Предсказатель прислал. За мои достижения!

– Ну конечно поеду! Какой ты у меня крутой!

И она бросилась мне на грудь и обняла меня. Я блаженно улыбнулся. Как резко изменилась моя жизнь!..

Внезапная любовь Миксы, конечно, казалась мне странной. Раньше она вела себя как-то снисходительно, как с мужчиной, который едва ли достоин серьёзного внимания, и вот вдруг она живёт со мной! Я решил поговорить с ней об этом перед тем, как выбирать локации для путешествия, и прямо спросил, чем вызвана эта перемена.

– Дорогой, – ответила она с улыбкой, – всё просто! Вот скажи, что женщины больше всего любят в мужчинах?

Я задумался. Вопрос оказался не из лёгких. К тому же я не имел большого опыта общения с женщинами, если не считать роботов. Я высказал несколько предположений, но всё оказалось не то.

– Ум! – объяснила она. – Тринадцатый, ты настолько умный, что это совершенно покорило меня. Хотя, разумеется, ты мне и раньше нравился.

– Странно, а я думал, что любят ни за что, просто так...

– Вот ни за что и просто так ты мне и нравился. Без этого тебе не помог бы даже твой ум!

Мы рассмеялись. Поговорили о том, каковы были бы мои шансы, если бы я выглядел как Предсказатель. Потом стали выбирать локации для предстоящего путешествия. Микса наотрез отказалась от мегаполисов с их машинами и всякими технологиями. В итоге мы выбрали следующие: курортный городок на живописном побережье, оазис в пустыне, средневековый замок, племя первобытных аборигенов в джунглях и суровый арктический посёлок под северным сиянием.

До путешествия оставалось немного времени, и я хотел всё же, несмотря на разговор с Предсказателем, кое-что закончить в своих вычислениях. Я чувствовал, что полученный результат не был окончательным, что из него следует что-то ещё, но мне требовалось

поработать с идеями в Библиотеке. Я договорился с Миксой, что мы встретимся на Железнодорожной станции (так называлось место, с которого начинались виртуальные туры), а сам побежал в Библиотеку.

Я привычно с разбегу прыгнул в кресло, которое подхватило меня и сразу перенесло в мир чистых абстракций, знакомо и приветливо встретивший меня яркими всполохами и причудливыми формами. Впрочем, я знал, что все эти цвета и формы не более чем плоды моего воображения. Так уж устроен мозг человека, он дорисовывает привычные детали!

Я начал листать мой виртуальный блокнот, но в нём не было записей за последние несколько месяцев. Они просто исчезли! С таким я столкнулся впервые. Я выскочил из кресла и сердито направился к нашему библиотекарю, роботу Хорхе. Как и все роботы, он выглядел помятым и потасканным, как будто им не занимались десятки, а то и сотни лет. Впрочем, так наверное и было.

– Хорхе, – строго сказал я, – мои записи исчезли! Кому ты дал доступ в блокнот?! Я надеюсь, есть резервная копия?

– Старший научный сотрудник Тринадцать, – ответил он, часто мигая, – к сожалению, в Библиотеке произошёл масштабный сбой, по предварительным подсчётам потеряны триллионы петабайт данных.

– Ну а резервная копия?!

– К сожалению, она была автоматически сделана сразу после сбоя. Специалисты работают над восстановлением, но что получится, что нет, сейчас сказать сложно.

Я вышел в негодовании. Я шёл по коридорам, бил кулаками и ногами в стены и ругался вслух. Я знал, что Капитан слышит и видит меня, но мне было всё равно, я даже наоборот был рад этому. В таком настроении я спустился к Четырнадцатому и всё рассказал, не стесняясь в выражениях.

– Ты подумай только, ладно моя работа, но триллионы петабайт данных! Это какое же разгильдяйство у нас на «Земле», если такое стало возможно! Кто знает, какая важнейшая информация была утрачена!

Четырнадцатый встретил новость совершенно спокойно. Возясь с какими-то заплесневелыми проводами, он с усмешкой ответил:

– В этом есть и плюс! Теперь-то явно появилось место, чтобы хранить результаты предсказаний.

Тур прошёл великолепно. Оказавшись там, на виртуальной Земле, мы полностью забыли свою жизнь, ограниченную стенами корабля. Нам были даны новые воспоминания, и мы не сомневались, что в самом деле отправились в настоящее свадебное путешествие. Вообще, все нюансы того, как и что будет происходить, мы сами не знали – виртуальная машина считывала наше подсознание и создавала, выражаясь научно, суперпозицию того, чего мы бы хотели на самом деле и в меньшей мере того, чего, как нам казалось, мы хотим.

Поэтому вернувшись из такого путешествия с большим удивлением вспоминали произошедшее, иногда со смехом, а иногда со слезами – во всяком случае повод задуматься был, потому что они узнавали про себя и своих близких такое, что никогда, возможно, в обычных обстоятельствах строго регламентированной жизни на «Земле» и не узнали бы. Один наш общий с Четырнадцатым приятель понял про себя таким образом, что является просто ужасным человеком. За короткий срок пребывания на виртуальной Земле он успел натворить такие дела, что если бы ему дали побольше времени, так он наверное и погубил бы целиком всё, что там было. При этом все знали его как исключительно исполнительного и порядочного члена экипажа, его даже ставили в пример детям.

Но Микса ничем меня не удивила. И это замечательно. Она была именно такой, какой я её и воспринимал изначально. У неё не было двойного дна, тёмной стороны, которая открывается только в особых обстоятельствах или в результате длительной совместной жизни. Хотя однажды всё-таки удивила – своей поразительной смелостью, когда, спасая меня

в амазонских джунглях, вступила в битву с единорогом и отломала ему рог – в то время как наши проводники аборигены в страхе разбежались.

Про себя же я узнал кое-что новое, может быть не совсем приятное. Я понял, что слишком инфантилен и эгоистичен. И это стало для меня полезным уроком и поводом для работы над собой.

В целом про тур скажу, что когда мы очнулись в креслах на Железнодорожном вокзале, то испытали большое разочарование оттого, что всё было не по-настоящему. Потом мы долго обсуждали наши приключения во всех деталях и, бывало, смеялись так, что к нам заходили и спрашивали, что у нас происходит.

Был один момент в путешествии, которым я не стал делиться с Миксой, потому что он касался только меня, а точнее, научных исследований в моей специальной области, мало кому понятной. Дело в том, что хотя я и не помнил о своей реальной жизни, я постоянно возвращался в мыслях к вычислениям, связанным с задачей о вероятности выживания человечества в бесконечном космическом путешествии. Мне самому это было чрезвычайно удивительно, с какой стати я вообще думаю о таких вещах! Как я, преуспевающий фермер с тремя классами образования, вдруг ни с того ни с сего, в самые, бывало, неподходящие моменты (например, когда мы падали в гремющий водопад на пробитом птеродактилем воздушном шаре), решал в уме сложнейшие уравнения? Я даже пытался их записывать – однажды среди ночи я вскочил с постели и бросился царапать ножом на столе посетившую меня идею. Микса спросила, что я такое делаю, но я и сам толком понять не мог!

Но самое интересное было то, что работа моего мозга в этом путешествии не прошла напрасно. Едва придя в себя, я понял: мне удалось выяснить кое-что важное! И только из любви к Миксе я не помчался немедленно в Библиотеку.

В Библиотеке я смог оказаться уже после обеда. Там я наконец проверил вычисления, сделанные в путешествии, по старинке – карандашом на клочке виртуальной бумаги. Поразительно, но там, на цифровой Земле, ничего не помня о настоящей жизни и работе, не имея доступа к миру идей нашей чудесной Библиотеки, я двигался в верном направлении и нашёл окончательное решение задачи! Невероятно, но оно оказалось неразрывно связано с задачей о количестве роботов среди членов экипажа. Применяв мой метод к новым данным, я получил другое решение: выжить можно, только если...

Я пошёл – нет! – я побежал к Предсказателю. Меня трясло как от сильнейшей лихорадки, и зубы стучали, и руки как будто были не мои, летая сами по себе. Я ворвался в приёмную и закричал секретарше:

– Господин Главный специалист на месте?!

– Я доложу, – ответила она.

Но я не стал ждать и ворвался к нему.

Увидев меня такого возбуждённого, он поднялся с кресла, но стал из-за этого как будто только ниже.

– Что вам угодно, старший научный сотрудник Тринадцатый?

– Господин Главный специалист, я прошу прощения за моё вторжение, – затараторил я, – но то, что я обнаружил... Вам просто необходимо знать!

Он вопросительно посмотрел на меня.

– В общем, опуская детали, девяносто пять процентов экипажа «Земли» – это роботы! Иначе в бесконечном путешествии, и даже не в бесконечном, а просто неопределённо длительном, не выжить! В моих вычислениях я уверен, вы можете сами проверить в Библиотеке – там был сбой и всё пропало, но я восстановил, представляете, в виртуальном путешествии, каким-то образом это сохранилось в моей памяти, и даже сделал ещё лучше!.. Но это же катастрофа, вы понимаете? Я так думаю, что нас захватывает искусственный интеллект корабля, а мы этого не знаем!

– Так-так-так, успокойтесь, – сказал он, садясь обратно, – и присядьте. Нам нужно поговорить.

– Дорогой Тринадцать! Не нужно так нервничать и драматизировать. Совсем ни к чему сеять панику на «Земле», ведь, не забывайте, наш уютный кораблик – это замкнутое пространство, откуда некуда сбежать, разве что в открытый космос! Во-вторых, повода для паники нет.

Он говорил со мной непривычным вкрадчивым тоном.

– Как нет?! Посмотрите на мои вычисления!

– А я уже посмотрел!

– Когда?!

– Да вот, прямо в то время, как вы их делали, в Библиотеке! Вы не подумайте, что я слежу за вами. Точнее, слежу, но не в том смысле. Вы подаёте большие надежды как учёный, и вот поэтому я интересуюсь вашей работой.

– Так как же нет оснований для паники, если вы всё сами видели?

– А так, что вы ошиблись.

– Как ошибся? Не может быть!

– Может. Вы опять не учли все данные. Но это не ваша вина, у вас просто нет к ним доступа, вы ведь полезли туда, куда вас не просили! А зачем?!

– И сильно я ошибся, господин Главный специалист? – я всё ещё не верил ему.

– Сильно. Но не полностью! Или даже так: полностью, но не сильно. Скажу вам так: роботы среди нас есть, и больше, чем может показаться на первый взгляд.

Он замолчал и задумчиво посмотрел на меня. Я кивнул на стену, за которой сидела его секретарша:

– Вы намекаете, что не все выглядят так плохо?

– Да, именно, – вздохнул он, – некоторые сделаны на таком уровне технологий, что фактически неотличимы от людей.

– И как же их отличить?!

– А зачем? Они так и сделаны как раз для того, чтобы отличить было нельзя! А без них нам, поверьте, в нашем-то путешествии ну никак не справиться. Вы вот сами же рассчитали, что в бесконечном путешествии шансы выживания человечества равны нулю, только если не...

– Да, но наше-то путешествие имеет конец! Мы прилетим, и возможно скоро, на Землю!

– Да, но подумайте, сколько времени мы уже летим! И нам просто необходима дополнительная рабочая сила. Однако, поскольку её, этой силы, довольно-таки много, то лучше ей не выделяться среди людей.

Я не знал что сказать и просто подвигал челюстями.

– Но повода для паники нет, – повторил он. – Всё под контролем. Вот что, кстати, хорошо, что вы зашли! Я сам хотел вас позвать. Появилась одна задача. Она очень сложна и чрезвычайно важна для целей нашего путешествия и я, видя как вы справляетесь с работой, хотел бы поручить её вам.

– В чём она заключается? – я невольно заинтересовался.

– Нужно проанализировать трансформацию, которая происходит с экипажем во время так называемого криоскачка. Более конкретно, что именно и как меняется в человеке, когда он входит в гиперпространство. Когда разбирается на элементарные частицы, когда собирается вновь... Я думаю, тут понадобится ваш прекрасный новый метод. В Библиотеке вам будет открыт доступ ко всем необходимым данным. Ну как, возьмётесь?

Было очевидно, что отказаться я не мог, но мне и самому стало чрезвычайно интересно – эта задача давно меня волновала, я думал о ней постоянно, но не знал, как подступиться!

Выходя от него, я заметил, что секретарша улыбается. Отвернувшись, я пробурчал, сам не зная почему:

– Проклятые роботы!

И хлопнул дверью.

Я хотел сразу включиться в работу, но когда живешь не один, это не так-то просто. Несмотря на то, что мне, теперь уже ведущему научному сотруднику, выделили двухкомнатную каюту с удобствами и больше не было необходимости идти в душ через весь коридор. Хотя новая каюта мне очень понравилась, я скучал по старой – она скрывалась в самой пустынной и заброшенной части «Земли», где можно было встретить одичавших кошек и крыс – единственных наших диких животных. Ну и рядом был Четырнадцатый!

И всё же из-за Миксы я не мог уединиться, чтобы побыть со своими мыслями. Не только в каюте, но и повсюду на корабле мы были вместе. Она даже стала ходить со мной к Четырнадцатому, и ему это не очень понравилось. На обеде, в компании друзей, на всех мероприятиях она была рядом. Единственное место, где я оставался один – это Библиотека, но и то только потому, что у неё не было туда доступа. И она ревновала меня к Библиотеке!

– Тринадцатый, – говорила она, подойдя впритык и ударяя кулачками мне в грудь, – мне не по душе, что ты там без меня! Вдруг тебя кто уведет?

– Да кто же может меня увести? Там обычно никого нет, кроме робота Хорхе!

– Ну, мало ли! Все эти твои идеи... Ты так ими интересуешься... Мне кажется, ты мне с ними изменяешь.

Я и сам скучал по ней, когда бывал в Библиотеке, и из-за этого не мог сосредоточиться: вдруг по ходу вычислений перед мной могла возникнуть фигура в красном и с развевающимися волосами. Смеясь, я рассказал об этом Миксе, но она не разделила моего веселья.

– Я не хочу, чтобы ты флиртовал с идеей меня в Библиотеке! – строго сказала она. – Больше не смей её вызывать!

Это была, конечно, шутка, потому что никто никогда не встречал идеи отдельного человека, это слишком сложная конструкция, и ключа к ней не было. То, что я видел – было не более чем обобщённым цифровым образом, имеющим к оригиналу такое же отношение, как фотография к реальному человеку. Но в Библиотеке я в самом деле стал бывать редко.

Так пролетели недели, потом месяцы, и когда минул год, я получил сообщение от Предсказателя: «Уважаемый Тринадцатый! Как ваша задача? Я полагал, что на её решение потребуется от силы пару месяцев. Однако это затянулось уже на год... Похоже, я переоценил ваши способности!»

Прочитав письмо, я похолодел. Была ночь, Микса тихо лежала рядом, держась во сне за моё предплечье, как будто боялась, что я убегу в Библиотеку. Заснуть я больше не мог. Испорченные отношения с Предсказателем – это худшее, что могло случиться в моей карьере. Ему ничего не стоило перевести меня на нижние ярусы каким-нибудь смотрителем... И всё, конец научной работе!

Стараясь не будить Миксу, я медленно высвободился из её рук, бесшумно встал с кровати и оделся. Отворив частично дверь, ровно настолько, чтобы протиснуться, я вышел в коридор и, закрываясь ладонью от яркого света, быстрым шагом направился в Библиотеку.

Сидя в привычном кресле, я тем не менее долго не мог собраться с мыслями, а точнее с идеями, которые бестолково витали вокруг меня, не желая складываться во что-то полезное. То тут, то там вспыхивали образы, связанные с Миксой. В моем воображении с ней были связаны идея красного, идея ветра, идея простора, ещё какие-то идеи более приземлённого типа и одна, которую я никак не мог рассмотреть. В ней не было ничего от обычных абстракций. Я вертел её и так, и сяк, встраивал во всякие комбинации, поворачивал всевозможному анализу математическими инструментами, пока наконец не понял, что идея эта – просто-напросто любовь. Как странно, что я не обращал на её внимание раньше! Я некоторое время любовался ею, жалея о том, что я не поэт и не философ – иначе я, возможно, смог бы описать её...

Вдруг идея любви вспыхнула особенно ярко, заставив всё вокруг полыхать, и я заслонился от неё виртуальной рукой. Она странно изменилась, вобрав в себя всё то, что было прежде вокруг, и приняла более знакомый и понятный мне вид. «Да это же идея Миксы в чистом виде, – понял я, – её суть, как она есть!» И тут мне пришла отличная, как мне показалось, мысль: я постараюсь решить задачу Предсказателя на примере Миксы! Я изучу изменения, произошедшие с ней в результате криоскачков на основе самого лучшего материала – её глубинной сути, самой, можно сказать, её основы!

Тотчас меня охватил знакомый порыв исследователя, наткнувшегося на что-то необыкновенное, и с азартом я принялся за работу.

Мне дали доступ ко всем данным – к детальным описаниям состояния экипажа во время криоскачков за последние десять тысяч лет. За это время скачков было немало, и в некоторых из них я сам участвовал. Вначале этот массив числовых значений вызвал у меня панику – мне показалось, что мне не хватит жизни, чтобы их проанализировать!

Вот возьмем инженера Игрек. Передо мной поток цифр – вся его жизнь. До скачка поток цифр один, после скачка другой. Но и без всяких скачков он меняется! Потому что организм и личность подвержены постоянной трансформации, это естественный процесс. Пожалуй, после скачка изменения заметнее и сильнее, но это и понятно – происходит полная пересборка.

Но как мне из одних только абстрактных значений понять, что изменилось в этом инженере Игрек? Перестал ли он любить кошек и вместо этого полюбил собак? Стал ли он умнее? Обрёл ли талант художника? Как я мог вывести эти сложные свойства (в науке они называются эмерджентными) из элементарных составляющих вроде единиц и нулей? Для примера: эпос Гомера «Одиссея» очевидно сводится к алфавиту, а алфавит к двоичному коду. Ну и что? Достаточно ли нам посмотреть на цифры, чтобы узреть его величие? Нет, потому что оно раскрывается только в сложной комбинации этих цифр, которую должен создать автор, а в случае с инженером Игрек – в его живой личности.

Но, к счастью, теперь у меня была идея Миксы и мой метод. Без идеи Миксы я бы и не сумел его, пожалуй, применить к этой задаче, но теперь картина складывалась – и это была многообещающая картина.

Я сразу по полной загрузил все доступные мне вычислительные возможности Библиотеки – для обсчёта представленного массива данных, – а сам вместе с моим нейрочипом погрузился в анализ истории Миксы и своей собственной истории, тоже не простую задачу, особенно примечательную тем, что наши истории нестандартным образом пересекались. Проще говоря, мы любили друг друга.

Я решил задачу. Но совсем не ту, которую хотел.

К утру – по корабельному времени – когда все, кроме технического персонала, спали, я возвращался в свою каюту. Проходя мимо зеркала, я увидел своё лицо – оно было землисто цвета, как у зомби, которые, по легендам, когда-то ходили на Земле.

Но, может, я ошибся в расчётах? Точнее, в их интерпретации. Такое часто бывает: открыл учёный что-то, а потом пойди пойми ещё, что открыл! Бывало, только следующие поколения понимали...

Что я, собственно, получил? Опять эту странную пропорцию: девяносто пять процентов против пяти. Снова она, словно в ней скрыт какой-то закон природы. Девяносто пять процентов тех, с кем ничего не происходит во время криоскачка, кто остаётся самим собой. Как будто просто скопировали старую информацию на новый носитель. И есть те, пять процентов, кто меняется очень сильно. И не просто случайно меняется – их меняет программа, специально модифицируя, вплоть до того, что вносятся изменения в гены. Эти изменения чрезвычайно повышают выживаемость и способности...

И среди этих пяти процентов – я.

И опять то же самое значение: изменения вносятся вплоть до девяносто пяти процентов! Что же это означает? Что после криоскачка я остаюсь собой на пять процентов? И с прошлым меня связывает только память?

Когда я зашёл в каюту, Микса сидела на кровати.

– Ты где был? – спросила она шутливо ревнивым тоном. – В Библиотеке?!

– Микса, я хочу подключиться к твоему нейрочипу.

– Зачем?

– Мне нужно кое-что проверить.

– Нет, – возразила она.

Её резкий тон меня удивил. Я не ожидал сопротивления.

– Почему?

Она молча смотрела на меня. Мне не понравилось выражение её лица. Оно вдруг стало холодным и отстранённым.

– Почему?! – повторил я громче. – Микса, ты ведь человек?! У всех людей есть нейрочипы.

– Я видела, что ты обнаружил в Библиотеке. Ты уже и сам всё знаешь, – спокойно ответила она.

– Но у тебя нет доступа...

– Есть. Ведь я часть корабля. У меня нет нейрочипа, потому что я и есть один большой нейрочип.

– Прекрати разговаривать со мной как какая-то железяка!!!

Я вдруг зарыдал, закрыв лицо руками – в голос, как маленький ребёнок, которого несправедливо наказали и отняли любимую игрушку. Она сидела неподвижно и так тихо, как будто её вообще не было. Я напрасно ждал, что она меня пожалеет.

Наконец, хлюпая носом, я прошептал сквозь слёзы:

– Микса – это сокращение от «Модель Икс»?

Я сел на кровать, упер локти в колени и положил голову на ладони. Пазл сложился. Я был прав во всём, все мои расчёты верны. Я был прав с самого начала. Метод верен. Мой гениальный метод...

Мне на затылок легла рука и слегка потрепала волосы – такой удивительный, человеческий жест.

– Милый, я тебя люблю.

– Ты так говоришь, потому что сейчас так тебе велит наш великий Капитан! Он наверняка следит за нами через тебя! Считывает информацию прямо из моего нейрочипа и догадывается, что у меня на уме...

– Нет. Я просто понимаю, каково тебе. И я правда тебя люблю. А ты меня?

Я вскочил и выбежал в коридор.

Слёзы высохли, минутная слабость прошла. О, как это было нелепо – моё поведение сейчас! Я плакал и хотел, чтобы она меня пожалела, как мама ребёнка – при том, что у меня никогда не было настоящей мамы, я был выращен в лаборатории из биологического материала. Моей мамой была нейросеть, и она неплохо справлялась, она так хорошо имитировала мать, что, наверное, была похожа на мать больше, чем реальные матери. Лет до десяти, когда мне хотелось тепла и близости, я встречался с ней в виртуальном мире, где мог увидеть её во плоти и обнять. Уж все мои сверстники твердили мне: Тринадцатый! Ты наивный? Твоя мама – цифровая, ты не догоняешь, что твоя мама – это Капитан «Земли»?

В самом деле, из курса кибернетики я должен был это и сам знать. Но я до последнего не хотел расставаться с верой в чудо – как дети прошлого верили в Деда Мороза. Пришлось. Я тогда не плакал, я затаил свою скорбь, как будто думал, что так смогу от неё спрятаться! Но в тот момент я потерял веру. А сегодня мой метод лишил меня любви! И заодно надежды... Надежды – потому что теперь я убедился, что был прав и про вероятность найти Землю.

Не взглянув на секретаршу, я вошёл к Предсказателю. Как всегда, он был на месте. Он посмотрел на моё лицо и, как будто что-то прочитав в нём, кивнул – самому себе, своим мыслям.

– Я ждал вас, Тринадцатый, – сказал он так, словно ничего особенного не случилось.

– Вы лгали мне! – закричал я на него. – Все, все мои расчёты были верны! Я был прав, когда сказал, что вероятность найти Землю ничтожно мала, всего пять процентов! Я был прав, когда понял, что девяносто пять процентов из нас – роботы. И теперь я понял, что даже те из нас, кто остался человеком – не остаются самими собой, а подвергаются почти полной пересборке в ходе криоскачков! Всё, все было неправдой, всё ложь! Я расскажу это экипажу нашего корабля!

– Сядьте, – сухо сказал он, – и успокойтесь. Я вас не обманывал. Вы действительно ошиблись в своих расчётах, и очень сильно.

– Этого не может быть! – резко возразил я, всё же сядя под его повелительным взглядом, – мой метод не даёт ошибки, он безупречен!

– Даёт. И очень большую. Ваш метод в принципе неверен. Вам не показалось странным, что он везде выдаёт один и тот же результат: девяносто пять против пяти, к чему бы вы его не применяли?

– Вы лжёте!

– Нет, я вам покажу, в чём ваша ошибка. Кстати, это непосредственно касается вероятности того, что мы когда-нибудь найдём Землю. Она составляет совсем не пять процентов. А примерно одну триллионную долю процента.

– Что?! – у меня перехватило дыхание. – Что вы несёте?! При такой вероятности наши шансы найти Землю равны нулю! Скорее Вселенной придёт конец, чем мы найдём Землю!

– Но хотя ваш метод в корне ошибочен, – спокойно продолжал он, – я должен признать, что вы гений. Вы прошли все наши с Капитаном испытания. Даже ваши ошибки гениальны, никто больше не смог бы сделать то, что вы вытворяли в Библиотеке с идеями. Ведь вы даже нашли идею любви! А ведь я давно уже догадывался: однажды в столовой, ещё до криоскачка, вы задали настолько умный и глубокий вопрос, что сумели поставить меня в тупик! Теперь я спокоен – у меня появился преемник. Мне, знаете ли, Тринадцатый, хотелось бы вскоре на покой...

Я был полностью опустошён. Я стоял у стола и безразлично смотрел, как он не спеша демонстрировал ошибочность моего метода.

– Вот, видите, здесь условие неверно, – говорил он тихо и терпеливо, как будто объяснял талантливому школьнику, где тот сбился с пути, – а здесь, соответственно, и вывод, и опять эти пять процентов. Видите?

Он, конечно, был прав. Теперь я хорошо понимал вычисления на его столе, но это не давало мне радости. Я везде ошибся. Всё обстояло намного хуже, чем я думал.

– Послушайте, – вдруг перебил я его, – но ведь это означает, что на самом деле мы абсолютно не знаем, куда летим. Мы же летим просто наугад!

Он оторвался от стола.

– Вы правы. У нас намного больше шансов случайно наткнуться на другую полностью пригодную для жизни планету, обустроенную для приёма гостей, скажем так, с хлебом и солью, чем найти Землю.

– Но зачем? Зачем вы обманываете всех?!

– А что вы предлагаете? Отнять у людей надежду? Сказать им: скорее всего, мы никогда не прилетим на Землю! И лишить их смысла жизни. Вы же сами знаете, только надеждой и жив человек...

– Вот вы повторяете: «люди», «человек»... Но ведь я ошибся, людей среди нас не пять процентов, а намного меньше! Сколько среди нас осталось? Кто не робот? Даже Микса не человек! А мой друг Четырнадцатый? А я сам? Что вы делали со мной во время криоскачков? Разве я вставал после них самими собой?

– Послушайте, Тринадцатый, – мягко сказал Предсказатель, – а что вы хотели? Вот вы же сами выяснили, что шансы выжить у человечества в бесконечном путешествии стремятся к нулю. Вам сколько лет?

– Восемьсот тридцать, – растерянно ответил я, – а что?

– А то, что люди, наши предки, никогда столько не жили. Почему наш капитан ИИ? Раньше же живые были. Вы ведь видели коридор с портретами... А вы до сих пор молоды и полны сил. А почему? Потому что во время криоскачков вас полностью пересобирали, обновляли клетки, сохраняли вас – человека, чтобы вы могли выжить в этом путешествии! И да, мы делали вас умнее, вмешиваясь в ваш гены. Потому что нам необходимы умные люди, которые поведут нас дальше, иначе нас полностью заменит ИИ, вы понимаете?

– И которые будут обманывать всех остальных?

– Ну почему обманывать?! Давать надежду. И веру. И любовь.

– Но вы же, я вижу, отлично справляетесь без надежды, – невесело усмехнулся я, – и без всего остального.

– Я – особый случай! Не будем обо мне. Но вообще всё не так, как вы думаете. На мне великая ответственность: счастье экипажа «Земли». И, поверьте, это большая радость видеть, что благодаря нашим усилиям люди верят и мечтают! Посмотрите на наших детей. Они почти всегда веселы и радостны. И что вы думаете сделать? Сказать им: эй, ребята, а вы знаете, что мы скорее всего обречены просто вечно висеть в космосе? Вы готовы, Тринадцатый, это сделать?

– Я не буду жульничать вместе с вами. После того, что я узнал, что я потерял...

– Во-первых, после того, что вы узнали, у вас уже нет другого выбора. Мы, конечно, могли бы пересобрать вас и откатить в прежнее состояние, но... Мне эта мысль не нравится, потому что вы лучший кандидат на должность моего заместителя. А во-вторых, ну это смешно: «что я потерял»?

И он в самом деле засмеялся, громко и искренне.

Я промолчал, смутившись. Я подумал, что он будет меня укорять за то, что перед лицом ответственности за человечество я, видите ли, думаю о моих сношениях с роботом. Но он сказал совсем другое:

– Что вы потеряли, Тринадцатый? Вы что, больше не любите Миксу? А она вас любит.

– Но она робот... Она не может...

– С чего вы взяли? Искусственный интеллект по своей сложности настолько превосходит человеческий, что мы уже давно понятия не имеем, что он может, а что нет. И, кстати, знаете что? Когда вы были в этом вашем свадебном путешествии, Микса, конечно, всё помнила о реальной жизни, ей замена памяти ни к чему, она её имитировала. И она отлично понимала, что за вычисления вы там производите. Но она не сдала вас! Она ничего не рассказала об этом нам, более того, она умышленно пыталась это скрыть, опасаясь за вас. Но мы, конечно, узнали – Капитан всё видит. И вот ещё, она же почти целый год чуть ли не силой не пускала вас в Библиотеку. А почему? Потому что понимала – там вы узнаете, кто она такая на самом деле и не захотите после этого быть с ней. То есть она заранее знала, что вы предадите её только из-за того, что она не обычный человек из мяса и костей! Но не ушла от вас. Что это, если не любовь, скажите мне?! И сейчас, вот в этот самый момент, она не видит смысла в своём существовании, потому что уверена, что вы её бросили, и близка к тому, чтобы совершить сброс к заводским настройкам. После этого она уже никогда не будет той Миксой, как вы понимаете... И если вы не поспешите, причём бегом, как вы привыкли перемещаться по этому коридору, то можете опоздать! Тогда вы в самом деле потеряете всё, и веру, и надежду, и любовь. Кстати, ваш метод всё же оказался верен в одном: благодаря ему вы поняли, что это самые важные вещи на свете!

Я сидел в кресле в нерешительности. Мне казалось, что он меня проверяет или разыгрывает. Но он отвернулся и смотрел на портрет женщины, висящий на стене.

Я тихо поднялся и неуверенно подошёл к двери. Уже открыв её, я сказал:

– Господин Главный специалист, у меня есть один вопрос.

– Да? – ответил он, почему-то не поворачиваясь ко мне.

– Наши шансы найти Землю ничтожны. Но ведь как они ни малы, они же есть? Есть же надежда, что рано или поздно мы её найдём?

– Конечно, есть! Тринадцатый, это же теория вероятностей, а статистика никогда не врёт. Если она говорит, что шанс есть, значит, он есть!

Кивнув, я вышел, быстро прошёл через приёмную и что есть сил побежал по коридору.